

21. Однако здравствуйте

Сколько себя помнил, Джонатан еще никогда не чувствовал себя настолько сильным и способным на все. Возможно последствия Шарингана, а возможно и просто пришла уверенность в самом себе, в том, что он действительно принадлежит этому миру. Не сказать, чтобы это поменяло что-то в его ситуации, она по-прежнему казалась немного безнадежной, немного смешной, но в целом все было очень даже прозрачно.

Учиха никогда не любила настолько, чтобы уступать или прощать мелкие ошибки, а тут сразу половина, если не больше деревни разрушены. Вполне естественно, что это вызвало целую бурю, которая едва не стоила Учиха жизни. К счастью Минато оказался рассудительным и сильным лидером, который не только обуздал разъяренных старейшин, но и заставил их заткнуться, «деревня превыше всего». От "суда" местного разлива это конечно никого не спасло, но дало отличную передышку после атаки Санби. И нет, эти три дня Фугаку не сидел сложа руки, точно также, как и другие Учиха.

Джонатан откинул челку, мысленно замечая, что пора уже постричься. Да и самому в целом не мешало бы привести себя в порядок. Микото присела рядом, протягивая послание от Хокаге. Собрание было назначено на сегодня после обеда. Приглашены были старейшины деревни, главы кланов и большая часть джонинов, соответственно вопрос о том, будут ли старейшины клана даже не стоял, скорее они банально подходили под одну категорию с главами. Аки бесплатное приложение.

— Ты ведь понимаешь, что тебе грозит? — Напряженно спросила супруга, вглядываясь в его лицо.

— Что? — Слегка улыбнулся он, разминая затекшие мышцы и шею.

— Фугаку, это не смешно. — Микото нервничала. Как-то, но подробности той вылазки (весьма достоверные, кстати) облетели всю деревню в ближайшие сутки. — Ты ведь должен знать, что несмотря на все, что сделал в эти три дня, ничего не поможет смыть вину за вред, причиненный деревне? Старейшины слишком долго искали повод подловить Учиха.

— Старейшины — слишком абстрактное понятие. Их много, а единого мнения у такого большого сборища быть не может... если только их не целенаправленно настраивали долгое время. И если это так, то самый лучший выбор отрубить этой змее сразу голову, а не пытаться избавиться от всего разом. Однако... к чему это я? К тому, что наши отношения с деревней, словно большой незаживающий нарыв, который уже давно покрылся и якобы зажил. Однажды он все равно даст о себе знать и лучше пусть это произойдет сейчас, когда новому Хокаге и старейшинам совершенно невыгодно допускать гражданскую войну или дискредитацию такого сильного клана как наш.

— Ты хочешь сказать, что сегодня против тебя будет выступать один старейшина, которого ты собираешься...

— Ничего я не собираюсь делать с этими зажавшимся стариками. — Зевнул Фугаку. — Я просто хочу убедиться в своих догадках. Сегодня моя цель — защита чести клана и своего достоинства. Другими словами, нападение Санби вскрыло наш нарыв, а я собираюсь его убрать.

— Ты говоришь загадками.

— В любой загадке лишь малая ее доля. Часто именно в ней самой и заключается ответ.

Микото встала, собираясь уходить, но на выходе остановилась.

«И все-таки я совсем перестала его понимать».

***

— Деревня разрушена!

— Зато у нас теперь два джинчурики.

— Их и так было бы два, если бы вы позволили Кушине-сан поправить печать ученицы Хокаге.

— Их не было бы два, потому что девочка была слишком слаба и печать рано или поздно все равно дала бы сбой. Разрушение деревни было бы лишь делом времени, так как Санби вырвался из Нохара сразу же по прибытию. Кушина-сан, даже если бы присутствовала, не успела бы ничего сделать.

— Тогда почему вы не вызвали ее до того, как нести Рин Нохара в деревню?

— А откуда мне было знать о неисправности печати? Говорю же, девчонка умерла бы в любом случае. Она и так была при смерти, и я лишь пытался спасти ее, принеся в Коноху.

— Вы говорите об этом так легко!

— А я должен убиваться? Вот если бы погиб кто из Учиха или даже тот же Какashi Хатаке, это да, у меня были бы причины. Но девочка никем не приходилась ни моему, ни какому-либо другому клану. Цинично? А я и не претендую на титул воплощения добра и света. Рин Нохара героиня, которая держалась и сражалась до конца. С моей стороны я сделал все возможное, чтобы ее спасти. И, заметьте, основной удар пришелся именно на квартал Учиха и Хьюга, но именно Учиха приложили больше всего сил, средств и времени за эти три дня, чтобы восстановить центр Конохи. И следующий вопрос, почему вину за разрушения повесили на меня?

— Потому что именно вы принесли девочку в деревню! И вообще, что вы вообще забыли в лесу?

— О, а это уже другая, но не менее занятная история. Итак, рано утром ко мне вламывается личный помощник с печальным известием: его подопечный, Какаши Хатаке, пропал. Причем уже не первые сутки. День назад мой помощник решил, что Хатаке тренируется с Хокаге-сама, сенсей как-никак. Однако он не предупредил и не оставил весточки, а так не делается. Было проверено жилье мальчика и опрошен сам Хокаге, только после этого, когда ни сенсей, ни кто-либо другой не озаботился выяснить местонахождение единственного представителя клана Хатаке, я принял меры как ответственный за ученика Хокаге человек, отправив по его следам его наставника.

— И как же вы эти следы нашли? О, дайте угадаю, маячки?

— Уважаемый старейшина, вы явно недооцениваете джонинов Конохи. Какие маячки? — Фугаку так добродушно улыбался, что вызывал зубовный скрежет.

— А Какаши явный гений. Для его поисков были задействован Призыв и Шаринган. Но мы немного отвлеклись. Дазай Учиха догнал мальчишку в стране Горячих Источников, далеко убежал наш малец, не правда ли? Но на этом сюрпризы не закончились.

— Фугаку.

— Все-все. Но как вы думаете, что увидел Дазай при встрече со ставленником? Тот пытался пронзить сердце Рин Нохара с помощью Чидори. Занятно? Мой помощник встал между техникой и девочкой как раз вовремя, кстати... благодаря этому он теперь однорукий. Дальше эта веселая компания улепетывала от целого отряда АНБУ Кири, доведя моего личного помощника до нервного чакроистощения. Потом Какаши не пустил их в Коноху, и они с помощью нинкенов вызвали подмогу. Кстати изначально была цель просить помощи прямо у Минато-сама, как у лидера команды, но Хокаге-сама был занят и нинкена просто не пустили. Кто следующий на очереди? Глава клана, где обучается Хатаке. Инои-сан и Шиби-сан подтвердят, их я специально пригласил как свидетелей, что ничего незаконного не творил и против деревни никого не гипнотизировал. Вот и все. Еще вопросы? Хорошо, теперь выскажусь о том, что думаю по поводу ваших обвинений.

— Фугаку.

— Во-первых, если бы не я, Коноха вряд ли бы увидела Санби вообще, не говоря уже о том, чтобы получить себе такого биджу. Потому что джинчурики либо погибла бы там, в Горячих Источниках, либо по пути. Во-вторых, во время нападения именно Учиха первыми озаботились безопасностью жителей, помощью деревне и прочим. И если бы не Шаринган, сколько бы разрушений еще было бы в деревне? А так Санби лишь прошел по очищенной дорожке. В-третьих, опять же, кто заставил биджу стоять ровно во время запечатывания? Вы смогли бросить всю силу на сам процесс, а не заботиться тем, чтобы Треххвостый никуда не рванул. В-четвертых, наш квартал пострадал не меньше чем у Хьюга, но при этом именно мы, Учиха, бросили все на восстановление Деревни, а не собственного дома. И после этого вы говорите,

что Учиха неблагодарные засранцы, считающие себя выше других? Одним словом, я начинаю считать, что с таким отношением к нам, старейшины и сама Коноха стремятся выжить нас отсюда. И это учитывая то, что вырвавшегося в центре деревни биджу направили не куда-нибудь, а именно в сторону наших кварталов.

— Фугаку!

— Что Фугаку?

— Успокойся.

— Я спокоен, а вы?

— Фугаку!

— Повторяетесь, старейшина.

— Тихо.

— Хай, Хокаге-сама!

***

— Что значит отдать Итачи в Академию? С каких пор это дети расплачиваются за отцов?

— Это самое малое из всего того, что я могу потребовать. Итачи должен поступить в Академию, как только она будет восстановлена. Это не только мое решение.

— Зачем?

— Мы хотим убедиться, что наследник клана не...

— Не представляет вам угрозы и воспитывается в любви к деревне и власти. Понял.

— Фугаку...

— Не стоит, Минато. — Фугаку снова улыбнулся. — Я тебя не виню и прекрасно понимаю. Нет причин передо мной оправдываться. Итачи пойдет в Академию. И вместе с ним пойдут все дети его возраста. Надеюсь, это облегчит вам работу.

— Я говорил только о Итачи.

— Выделяете моего отпрыска? Разве будущее Учиха не в руках детей? Вы должны с самого начала наблюдать за всеми.

— Звучит как насмешка.

— В какой-то мере это так.

— Смеешься над Хокаге?

— С чего вы взяли, Минато-сама?

Мужчины переглянулись.

— Помимо этого было решено принять в АНБУ больше половины вернувшихся с войны Учиха.

— Они нужны мне в Полиции, а в АНБУ у вас своих ручных псов хватает. И отдавать своих бойцов под пристальное наблюдение Данзо или кому-то из его шайки я не намерен.

— Мне понятны твои подозрения. Но это не предложение, это приказ.

— Хм... наследник клана и большая часть моих лучших и молодых шиноби под руководством Хокаге. Выглядит как недоверие к Учиха.

— Радуйся, что тебя не сняли с поста главы. Ты еще легко отделался.

— Не посмели бы. Это уже дела клана и наших традиций, независимых от Конохи. И не стоит забывать, что мы один из кланов Основателей.

— К тебе это мало как относится. Да и раскусить тебя мне ничего не стоит.

— Ты до сих пор этого не сделал, да и после нападения я доказал свою верность Конохе. Это мой дом, который я намерен защищать, а не разрушать.

— Весьма сомнительно доказал.

— Тебя убедить хватило. Да и тем более... время все покажет.

Мужчины переглянулись и, слабо улыбнувшись друг другу, направились по домам. То, что к "приговору" Минато не имел ни малейшего отношения было ясно, но вот старейшины, уже давно искавшие возможность как-нибудь подловить Учиха, воспользовались этим даже сверх своих возможностей.

***

— Что значит в Академию?

— Приказ Хокаге. К счастью, следуя его логике, он теперь должен принять в Академию всех детей возраста Итачи из клана.

— И зачем?

— Среди других детей Итачи хоть и будет выделяться, но уже не так сильно. Кстати позови его ко мне.

— Хорошо. Что скажешь делать?

— Пусть женщины и девушки клана возвращаются и восстанавливают квартал, а мужчины пока поработают на деревню.

— Снова тот же вопрос. Зачем?

— К нашему клану уже сложилось негативное отношение. Но если мы покажем, что как клан Основателей беспокоимся о защите и благополучии деревни, то...

— Я поняла. Итачи будет ждать тебя после тренировок.

— А я пока навещу Дазая.

***

Фугаку было жаль личного помощника. Такой молодой и сильный... такая травма ничем хорошим априори не могла закончиться. Дазай же... отреагировал весьма спокойно. По-крайней именно на людях. Лишь холодное спокойствие, лишь слова ободрения.

— Не надо, глава. Я выполнял долг. — Дазай бросил взгляд на обрубок, отводя взгляд.

— По моему приказу. — Джонатан просто молча смотрел на помощника, пытаясь понять, что

чувствовал.

— Прошу, не надо жалости.

— Тебе ее и так хватает. Я пришел с новым заданием для тебя.

— Это радует. — Дазай поудобней устроился на кровати. — А то, если честно, устал я от всеобщей жалости да слов сожаления. Я боец, пережил войну и видел и не такие травмы, так что моя собственная лишь маленькое недоразумение.

— Молодец. — Сальери вздохнул. — Ты отправишься за ученицей Сандайме, одной из саннинов.

— Цунаде-химе. — Взгляд Дазая изменился. И Фугаку его понимал. После такого ранения Учиха не мог ожидать серьезного задания. — Когда?

— Через четыре месяца. Когда Коноха будет восстановлена, а ты оправившись от ранения. Это приказ Хокаге. В группу поиска войдут: ты, Какаши, Джирайя-сама и, возможно, кто-нибудь еще. Минато решил, что госпиталь никуда без лучшего ирьенина нашего времени.

— Какаши? — Дазай мгновенно посерьезнел. — Глава, я... должен сказать вам кое-что по его поводу.

— Слушаю. Но отказы от его компании, сразу предупрежу, не принимаются. Задание идет не от меня и не мне менять состав группы.

Дазай стянул с тумбочки блокнот, и быстро что-то написал, потом протянул Джонатану листок. Написано было на шифре Учиха, но в смысле разобраться было проще простого. Фугаку мельком посмотрел на текст и почти сразу стер написанное.

— Однако здравствуйте. — Широко улыбнулся он. — Хм... значит, он был кандидатом на роль джинчурики.

Учиха переглянулись, и глава клана покинул палату. Конечно же в записке было написано совершенно другое, но только оказавшись в своем кабинете Джонатан позволил себе выразить удивление и нервно рассмеяться, выпуская напряжение прошедших дней.

— Мангеке Шаринган... нет, ну надо же.

Фугаку откинулся на спинку кресла. Не сказать, чтобы после собрания его оставили в покое, но открыто больше никто не смел кидать ему или клану обвинения. Они такие же, как и все, может даже лучше. По крайней мере обрабатывать массы было делом не то чтобы кропотливым... скорее занимало драгоценное сейчас время. Плюс пришлось затыкать старейшин, которые вдруг воспылали праведным гневом и захотели устроить что-то вроде восстания. Говорили про какую-то дискриминацию, ущемление прав, а когда услышали про приказ отправить в АНБУ больше половины бойцов так вообще взбесились и были готовы повырывать ему все волосы л и ч н о. Защищаться он благоразумно не стал, зато воспользовался авторитетом и придавил бунтующих старейшин угрозой назначить новых... вроде подействовало.

— Моэто. Вслух.

Теперь надо было разобраться с более мелкими проблемами, к примеру посмотреть, что стало с кланом после войны.

— До Третьей Мировой Войны Шиноби в квартале клана Учиха проживало до пятисот человек, включая стариков, женщин и детей. В зону боевых действий было отправлено 13 отрядов, состоящих полностью из Учиха по двенадцать человек, включая куноичи; 12 отрядов, во главе которых стояли наши шиноби; и 15, где они участвовали в качестве рядовых. Стандартный отряд состоял из четырех групп по три человека. Соответственно официально в войне участвовало: 183 члена клана, достигших возраста шестнадцати лет и выше. Также в боях участвовали группы генинов, в семи из которых были Учиха в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет. В Конохе оставалось 310 Учиха, включая Полицию. После Третьей Мировой в деревню вернулось семь отрядов Учиха, пять лидеров смешанных команд и четыре генина. Наши боевые потери: 93 человека. Из которых семеро считаются без вести пропавшими, тела двоих не были найдены. В деревне из трехсот десяти Учиха осталось 252: 34 являлись членами Полиции, погибли во время миссий за пределами деревни во время проверок близлежащих деревень; 20 — шиноби-одиночки, отправились на фронт в качестве добровольцев, официально назначены не были; 4 пропали без вести. В данный момент численность клана составляет 258 человек, включая недавно родившихся. — Моэто замолчал, переводя дух, и с недоверием посмотрел на отчет в своих руках, а потом на главу. — Фугаку-сан, как вам удалось?

— Систематизировать данные? — Джонатан развернул кресло так, чтобы посмотреть на карту позади своего стола. — Отчеты по потерям, официальные назначения, записи и опросы. Понадобилось просто собрать все воедино. И писал это Дазай, ты в это время был занят другим. — Сальери задумчиво откинулся на спинку кресла. — Как думаешь, чем занимались эти двести пятьдесят человек, пока мы воевали? Читай дальше.

— Количество женщин, детей и стариков, оставшихся в деревне на время боевых действий: 197, из которых восемьдесят три женщины были куноичи уровня чунина\токубецу-джонина. Оставшиеся 112 человек члены Полиции. Фугаку-сама, зачем вам это? — Оторвался от чтения Моэто, обращаясь к главе.

— Большинство членов клана всячески возносят нас над другими, — не отвлекаясь от собственных мыслей сказал Джонатан. — И если так подумать, у нас есть повод. Шаринган сильное додзюцу, а мы клан Основателей. Поэтому было бы не удивительно если бы кому-то не

приглянулись наши особенные... кхм... способности. Поэтому я должен точно знать, не попали ли тела наших соклановцев этим личностям, ну и какова статистика тоже не мешало бы понять. Моэто... до начала войны нас было пятьсот... это если округлять, сейчас двести с половиной. Как тебе?

— Ммм...

— А как пострадали другие кланы? А сколько погибло бесклановых шиноби? Печальная картина не так ли? Однако во всем этом виноват не только Сандайме Хокаге как главнокомандующий всем этим безобразиями, но и главы кланов, которые тупо следовали приказам, которые не заботились о своих соклановцах так, чтобы снизить смертность и риск. Ты ведь был капитаном одного из отряда Учиха. Скажи, скольких бойцов ты потерял за время войны?

— Семерых. — Моэто опустил голову.

— Сколько тебе было лет, когда ты получил эту должность? Кто тебя назначил? Сколько лет было твоим подчиненным?

— Девятнадцать. Старейшина Айчиро. Они были чуть младше. Большинство были чунинами.

— Вот и я об этом. Совсем еще зеленые были, а сколько взрослых шиноби осталось в деревне. — Фугаку посмотрел на помощника, а потом, словно стряхнув наваждение, легко улыбнулся. — Как смотришь на обед в Ичираку?

— Э... — растерялся от столь резкой смены темы разговора парень. — Ну я... это... планировал к Дазая заглянуть. А так... в общем... только за.

— Тогда встретимся там. — Пожал плечами Джонатан. — И если тебе не сложно, прихвати к Дазая Какаши.

— Хай!

Моэто буквально испарился, а Фугаку вздохнул. Надо будет сообщить Микото, что сегодня он будет обедать в Ичираку.

***

— Я, конечно, все понимаю... — Дазай бросил на Какаши странный взгляд, — но в данный момент ничего не понимаю.

— Здравствуйте, Дазай-сама. — Какаши опустил глаза, аккуратно отходя за спину Моэто.

— Одноглазый, ты куда полез? — Увы, Учиха его план не оценил, хватая Хатаке за ухо и подталкивая его к кровати. — Мы тут тебя навестить пришли, чего ты не понимаешь?

— «Что тут забыл этот?» — Так и говорил взгляд Дазая, но вслух только сказал. — Много чего, что тебя не касается. Обеденный перерыв?

— Ага, Фугаку-сан специально пораньше отпустил.

— «И мальчика тоже Фугаку-сан прислал?» — Больной тяжело вздохнул, глядя как Какаши вытаскивает на тарелку какие-то фрукты. — Ну здравствуй, герой. Как самочувствие?

— Неплохо. — Хатаке покосился на него, видимо прикидывая, насколько его наставник не рад его видеть. — А вы как?

— На удивление неплохо. — Фыркнул Дазай. — Правда, место, где рука была чешется. Кстати тренировка завтра будет. Ты же у нас вроде как деревню восстанавливаешь? Так вот, там и без тебя справятся. А я начну тебя тренировать в том, для чего тебя к нам и засунули... и да, ты же выполняешь упражнения для глаз, которые я тебе давал?

— Выполняю. — Какаши вытащил небольшой ножик, начиная нарезать те фрукты, которые принес. — Во-сколько приходиться?

— Утречком. В это время тоска по потерянной руке сильнее. — Видимо сегодня Учиха задался целью как можно чаще напоминать Какаши о своей потере. — И что это ты принес?

— Яблоки, апельсины. — Буркнул Хатаке, стараясь не смотреть на наставника. Зато Моэто, который уселся по другую сторону, весело фыркнул.

— Помидоры, огурцы.

— Ой заткнись. — Махнул рукой Дазай, вздыхая. — Ты кстати пообедать успеешь?

— Это забота?

— Это намек на то, чтобы ты смывался отсюда как можно быстрее. Надоел.

— Я? Надоел? Твой лучший друг, который ходит сюда каждый день, обивая пороги и тратя ценное обеденное время? — Возмутился Моэто. — Как тебе не стыдно!

— Вали отсюда, я сказал. — Дазай взял еще неочищенный апельсин прямо из рук Какаши кидая его в друга, который фрукт поймал и тут же принялся чистить.

— Фу таким быть, Дазай-чан, — поддразнил он его. — Я тебе со всей душой, а ты.

— А я, а я. — Учиха откинулся на подушки, вздергивая подбородок. — Ты б еще сказал, что я тебе аки младший брат, вообще картина была бы.

— Ну нет, — отвернулся Моэто. — Хватило мне младших братьев.

— Ну он тебе был троюродным по матери, да и по тебе не скажешь, что ты был особо озабочен его жизнью.

— Дазай.

— Все-все. И да, серьезно, иди обедать, а то потом будешь целый день меня недобрым словом поминать, что из-за меня ты не успел поесть.

— Пф. Вот еще. — Однако все же встал, направляясь к выходу. — Ладно, Одноглазый, оставляю его на тебя, позаботься, будь добр. Хорошего дня, Дазай!

— Хн.

После ухода Моэто воцарилась тишина, прерываемая лишь звуками поедания принесенных угощений. Ни Дазай, ни Какаши не решались начать диалог... неловко было говорить о чем-то отвлеченном, особенно когда то и дело взгляды падали на бинты и пластыри.

— Вкусные яблоки.

— Ага.

***

— Мы с Дазаем никогда не были друзьями, скорее соперниками. — После обеда Моэто вернулся в палату, застав там Какаши и вызвавшись проводить его в библиотеку клана. — В основном это было из-за того, что мне нравилась его сестра — Хазуки. Ну, ветер да гормоны в голове, подростки как никак. Ну, а она на пять лет старше, да еще и на тренировках постоянно. Вот и не оставалось нам ничего, кроме как друг с другом бодаться.

Какаши покосился на спутника, поджимая губы. И вот чего это Учиха на столь откровенные разговоры ни с того ни с сего понесло? То ли дело Дазай, который либо молчал, либо объяснял — одна польза. А вот Моэто вызывал весьма противоречивые чувства.

— А потом Хазуки вышла замуж за бескланового, причем не особо сильного, и теперь уже мы

вместе бодались с ее мужем. Потом война, нас раскидало по разным отрядам. Зато память друг о друге осталась. Ведь хоть мы и в одном клане живем, относимся к двум разным ветвям.

— Ветвям? — Так, а это уже информация...

— Хн. У отца двое сыновей, у каждого своя семья и, допустим, у обоих по сыну. Эти сыновья уже относятся к двум разным ветвям, то есть потомки одного сына — один род, потомки другого — другой. Но все ведь носят фамилию Учиха и, по сути, являются родственниками. Тут главное учитывать, насколько дальние или близкие. И что ты так смотришь? Во всех больших кланах так. Это у маленьких до десяти семей, которые тесно друг друга знают и вообще словно одно целое. У нас таким и не пахнет. — Моэто сложил руки за головой, продолжая шагать вперед большими, размашистыми шагами.

— Хм...

— А что тебе в библиотеке-то надо, Одноглазый?

— Пособия.

— Для детей по развитию Шарингана?

— Вообще-то пособия по точному счету и физике. Нововведение главы клана.

— А?

— Что?

— С каких пор мы тебя еще и таким знаниям обучаем? Вроде же только договаривались, что ты учишься управлению Шаринганом.

— Это к Дазаю-саме.

— Ну ладно, в принципе я не против. — Моэто важно кивнул, бросая на Какаши покровительственный взгляд. — Так вот возвращаясь к нашим отношениям с Дазаем. На чем я остановился?

— А зачем вы мне это рассказываете? — Вдруг поинтересовался Какаши.

— Хн. Зачем да почему. Ты ведь в команде с Обито состоял, так? — Моэто остановился возле дверей в клановую библиотеку. — Мы с ним похожи. И вы с Дазаем похожи.

— Что?

— То. Вот только в отличие от Обито, я никогда не был одинок. И потому, хоть и соперничал с Дазаем, не чувствовал такой острой необходимости чувствовать себя нужным и признанным. Он ведь всегда был сильнее, умнее, гениальней меня. Да и во всем был более правильным Учиха чем я. Ты ведь наверняка не в курсе, почему Обито был таким, каким был. Да и желания узнавать об этом у тебя никогда не было, я заметил. Но наблюдая за тобой я кое-что понял. Ты так и не научился его понимать. Будь он жив, никогда не позволил бы тебе перенимать его привычки или манеры.

— Вы очень странно объясняете. И на вопрос не ответили. — Нахмурился Какаши, которому откровенно не нравился текущий диалог. Напоминания об Обито до сих пор отзывались глухой болью.

— Я знаю. — Рассмеялся Моэто, ероша волосы. — Просто знаешь, чем дольше я смотрю, тем больше вижу сходств, вот и не смог смолчать.

— Ясно.

Какаши зашел в библиотеку, стараясь выкинуть из головы мысли о том, что может быть между ним и Дазай-саном, Моэто и Обито действительно есть что-то общее? Хотя есть ли смысл в подобных рассуждениях? Они все равно уже ничего не изменят.

***

— Моэто! — Парень устало вздохнул, поворачивая голову. Ладно, после обеда он четыре часа помогал Фугаку-сану с составлением списка бойцов, которых Учиха отправят в АНБУ. И на все гневные фырканы да возмущения глава снова и снова повторял:

«— О какой уступке ты говоришь, Моэто? Мы делаем деревне великое одолжение, а не уступаем Хокаге в его "приказе". Унижение? О да, запихнуть вас в Корень будет унижением, но я уже позаботился о том, чтобы вы попали исключительно в АНБУ Хокаге. Там и отдохнете и зарплату повыше получите. Чем не хорошо?»

Но вот после еще трех часов работы на деревню в благотворительных целях он чувствовал себя реально непонятным чудовищем из непонятной чаши, которому хочется всех и вся послать в одно причинное место. Увы, приказ главы нарушать было нельзя.

А приказ был таков: «белые, пушистые, идете навстречу с широкой улыбкой, помогаете и работаете, не щадя живота своего. Одним словом, являетесь собой картину: единственный клан, который действительно заботится о благе деревни и Воле Огня».

— Да? — Моэто обернулся, встречаясь взглядом с "коллегой по работе". Тот присел рядом,

протягивая бутылку воды.

— Да так. — Отмахнулся тот, вытирая со лба пот. Как-никак, а таскать приходилось далеко не пушинки. — Слышал, какие слухи по Конохе пошли? Ну, относительно вашего клана.

— Отчасти. — Уклончиво ответил Учиха, прищуриваясь. "Коллега" явно был бесклановым, да еще и чунином, однако трудолюбивым и на "собираетелю слухов" не походил от слова совсем. Это же как долго он слушал сплетни, что даже к нему подошел?

— Да все спорят. Кто-то утверждает, что вы своей "добротой" и "открытостью" хотите отвести подозрения в предательстве деревни, мол вы опасные преступники и высокомерные сволочи, которые вдруг неожиданно решили посмеяться над бедой Конохи и устроить что-то вроде показательной постановки и выставить себя в хорошем свете. — Чувства Моэто его собеседник явно не ценил. Значит они тут распинаются, пашут как кони, а о них так говорят? — А другие наоборот за вас заступаются. Мол во времена войны и правления Сандайме вам продыху не давали, вот вы и вели себя так...

— Как "так", позволъ спросить? — Недовольно взмахнул руками Моэто, оскорбленный до глубины души. Нет, он конечно знал, что в народе к Учиха не очень хорошо относятся, но чтобы настолько! Они же ничего плохо не сделали, вообще молчали в тряпочку, на войне наравне со всеми участвовали, да еще и после нападения не только помогли устранить угрозу в виде Санби, но и приложили титанические усилия по восстановлению селения! Ну, замкнутые чуть-чуть, так это излишки воспитания! Ну гордые, есть немного. Но они же не виноваты, что среди их предков такой великий шиноби, как Мадара!

— Ну... — растерялся бесклановый. — Вы же... это...

— Что "это"?! Мы, значит, к вам лицом, а вы к нам задом? (На самом деле он услышал эту фразу от Фугаку-сана и в значении не полностью разобрался, но очень уж к месту)

— Ну прости-прости! — Сдался тот, действительно понимая, что сморозил какую-то глупость. — Просто кто-то вас не очень любит, кто-то молчит, кто-то наоборот защищает. И так много говорят. Причем весь спор идет о том, специально вы на нас биджу натравили или...

— Натравили?! — Снова возмутился Моэто. — Да здесь Учиха вообще ни при чем! Мы ученика Хокаге искали, чтоб ты знал, а то, что в ту компанию новая джинчурики с хреновой печатью затесалась, так вообще не в курсе были, мы же не мастера в этих вопросах! И вообще! Биджу поймать, запечатать и в деревню приволочь это вам не комар чихнул, и, если бы Фугаку-сан не отправил бы Дазая на поиски, фиг бы Коноха Санби вообще увидела.

— А ты откуда это знаешь?

— А я личный помощник Фугаку-сана. — Не без гордости заявил Моэто, что выглядело довольно-таки забавно. Взмыленный и потрепанный, когда некогда белоснежная майка стала

грязного желтого оттенка от грязи, пыли и пота, а черные кучерявые волосы прилипли ко лбу и вискам.

— Ааа... — до бескланового парнишки что-то да дошло, и он посмотрел на Учиха уже более уважительно.

— Эй, вы! — Старший за очистку территории в их участке заметил-таки двух отдыхающих и поспешил исправить сие недоразумение. — Чего расселись? А работать кто будет?

— Мы. — Откликнулся Моэто, подсакивая и утаскивая собеседника дальше работать. В конце концов, совсем немного осталось... и можно будет строить.

***

Фугаку лишь довольно улыбнулся. Так и рождаются слухи и опровержения. Ему лишь понадобилось вложить в головы Учиха информацию о том, что в этих разрушениях они не виноваты, и вообще от других кланов в этом вопросе не отличаются. А дальше они уже сами: и убедят, и докажут, и расскажут несогласным все, причем очень и очень подробно...

И ведь из твердой уверенности Учиха и сложится народное мнение об этой ситуации. Как любила говорить его мать (из того мира), когда учила их с братом стрелять по мишеням (впрочем, ему это занятие никогда не нравилось):

— «Если ты промахнулся, никогда не вставай как вкопанный. Просто перезаряжай и стреляй снова. На поле битвы важен не промах, а твоя реакция на него. Если ты выстрелишь снова сразу, то враг не успеет попасть в тебя прежде. Это как игра на опережение.»

23. Вечер с саке

До окончания ремонта Академии оставалось около двух недель, когда деревня перестала напоминать место побоища, здания, восстановленные с помощью Дотона, радовали глаз, а Учиха, после двух недель каторжных работ оценили свои графики и с удовольствием отдыхали по вечерам в онсэнгах, Фугаку встретился с Минато. Вообще-то он с Хокаге часто встречался, но тот обычно приглашал его к себе в кабинет.

В последнее время их отношения стали напоминать пороховую бочку. Время от времени они сверлили друг друга подозрительными взглядами, потом общались вполне мирно и снова зверели.

И видимо такое положение не устраивало ни Микото, ни Кушину, и они принялись аккуратно обрабатывать мужа и жениха. Каждый вечер, после того как Итачи уходил спать, начиналась нежная психотерапия с элементами массажа и угощений... правда у Минато, если судить по

мешкам под глазами, обработка была далеко не нежной и скорее ультимативной. Все-таки в их положении Намикадзе больше накосячил, забрав у Учиха почти всех шиноби вернувшихся с войны. Потому ни тот, ни другой, встретившись у водопада как-то вечером и, распив бутылочку саке, уже не были против того, чтобы закончить эти бессмысленные свистопляски.

— Хороший ты мужик, Минато... — Джонатан, по природе своей непьющий, сдался уже на третьей чашечке, называющейся «о-тёко». Нет, контролировать себя он пока еще мог, однако раскрепощенней явно стал. — Правда определиться никак не можешь, это да.

— Кто бы говорил. — Фыркнул Хокаге, в данный момент сидящий в своем любимом свитере и постеливший хокагскую мантию (как ее называл Сальери) на землю для лучшего удобства сидения. — А сам-то...

— А я ничего, я вообще белый и пуши-ик-стый.

— Да ну, а кто сразу после моего назначения подкинул мне свинью в виде разрушенного селения?

— Вообще-то,— Джонатан помахал пальцем. — Я помог появлению в деревне второго джинчурики. Чему ты не рад?

— В общем и в целом... всему рад. — Намикадзе махнул рукой. — Да и Кушина...

Они переглянулись, совершенно одинаково передергивая плечами при воспоминании последней встречи с Узумаки. Тогда Фугаку с Микото забежали ненадолго, потому что Микото понадобилось о чем-то посоветоваться с Кушиной... так закончилось все позорным бегством мужчин от сковородки взбешенной Хабанеро, которая требовала, чтобы они прекратили свои недомолвки и "помирились"... и попытки объяснить, что они «в общем-то и не ругались» ни к чему не привели.

— Не продолжай. — Вздыхнул Фугаку.

— Кстати да. Держи. — Минато вытащил из-за пазухи сверток с печатью Хокаге, протягивая его Джонатану. — Сарутоби-сан, конечно, просил меня подумать еще немного, но я думаю, что это будет правильным.

— Не подарок же? — Опасливо уточнил Фугаку, понимая, что задает очень глупый вопрос, и в то же самое время не хотелось нарушать одну из основных традиций японской культуры (хотя да, этот мир не Япония, но очень уж походило по описаниям и языку... о которых Сальери почти ничего не знал). Но еще по тому миру он помнил, что подарки принято вскрывать после того, как даритель уйдет, чтобы не было похоже на жадность или нетерпение...

— С чего ты взял? — Минато даже икнул, от неожиданности. Сказывалось выпитое саке... которое, впрочем, еще пилось.

Вместо ответа Фугаку просто принялся распечатывать свиток, усиливая огонь, который они с Минато разожгли по наступлению темноты. Их любимые женщины, вручив в руки свертки с едой и три бутылки саке, с милыми улыбками сообщили, что сегодня устраивают девичью вечеринку, Итачи ушел к Шисуи с ночевкой, а Минато сегодня придется переночевать у друзей, ибо: «его с Кушиной дом, самое удобное место для вечера».

— Всего год начиная со следующего месяца? Что-то ты из крайности в крайность, Минато. — Да-уж, Джонатан был удивлен. Намикадзе установил срок службы Учиха в АНБУ, поставив его всего... в год.

— У меня все же есть совесть. Да и понимаю я, что старейшины перегнули. И потом... кто захочет, тот останется, остальные будут свободны.

— Говорю же, никак определиться не можешь. То ли ты советников слушаешь, то ли по совести поступаешь.

— Кстати о советниках. — Минато словно разом протрезвел, и Джонатан вспомнил о такой фишке, как разгон чакры по телу, который прогоняет хмель. Уж такому простому трюку он уже научился... правда когда совсем-совсем пьяный, концентрации на то, чтобы прогнать чакру уже не хватает... и нет, он узнал это от болтливого Моэто, а не на собственной практике. — У меня к тебе просьба.

— Хн?

— Я прошу твою команду войти в сопровождение Данзо. Он собирается в Амегакуре, якобы для заключения мира между нами и ними, но я слишком хорошо помню стратегию и убеждения Ханзо по войне. Он слишком печется о своем режиме, чтобы идти на контакт. И... слишком тревожны слухи оттуда. Их слишком мало, кто-то говорит о том, что в стране Дождя идет переворот, кто-то о восстании, кто-то о том, что там по-прежнему тишина и ничего не происходит.

— Три лидера клана для подтверждения цели визита, Данзо, как представитель деревни. Минато, ты знал, что такие вещи лучше обсуждать в бункере?

— Я установил барьеры. — Намикадзе тяжело вздохнул, болтая жидкость в чашечке туда-сюда и наблюдая за игрой пламени на ней. — Помимо вас троих будет два отряда АНБУ.

— Ла-адно. Я подумаю. — Джонатан пожал плечами. — Кстати да, если соглашусь, то можно будет в группу сопровождения включить Тсуме Инзуку и Иноичи Яманака, вместо Инои?

Кажется, Минато остался доволен.

***

На следующее утро Фугаку проснулся на татами в гостиной, замечая неподалеку просыпающегося Хокаге. Видимо после того, как они обговорили все важные детали, допили все выданное им саке, решили перебраться к главе Учиха, попутно опустошив все запасы алкоголя. Да так и заснули в гостиной, возле догорающего домашнего очага.

С кухни доносились запахи яичницы, и мужчины попутно обмениваясь утренними любезностями, переползли в столовую. На их удивление завтрак готовила не Микото, а Итачи. Мальчик подтащил высокую табуретку к плите, и теперь видимо сверялся с внутренней инструкцией и воспоминаниям о том, как это блюдо они готовили с то-саном.

Минато с Фугаку на минуту замерли, видимо переваривая картину перед ними, а потом отец маленького хозяина, сдержав в себе порыв броситься к плите и приняться судорожно ощупывать дите на предмет ожогов, подошел к сыну, заглядывая в сковородку сверху.

— Как дела, Итачи? — Так, Джонатан, главное не паниковать. — Вижу, ты решил приготовить завтрак.

— Доброе утро, то-сан, Минато-сама. — Итачи слегка наклонился вбок, чтобы поздороваться с Намикадзе. — Да.

— И как?

— Хорошо.

— Ммм...

А дальше он просто не знал, что делать. Если бы это было в его мире, он бы уже носился по горячей кухне, спасая одновременно сына и дом... но тут творилось что-то аномальное и противоречащее его пониманию о готовке пятилетним мальчиком.

— Тогда я накрою. — Сдался наконец Джонатан, проиграв битву с самим собой и решив внимательно наблюдать за Итачи, но также довериться ему.

— Минато, ванна прямо по коридору.

— Ага... спасибо.

24. Отец и сын

В тот же день, когда все были приведены в порядок, позавтракали и навели в доме чистоту, наступило время бежать на работу, ибо: «понедельник день рабочий». Минато, после того как миновал защитный барьер дома главы клана, сразу же перенесся своей техникой в офис Хокаге. А Фугаку решил забрать Итачи с кланового образования до поступления в Академию, дабы подготовить сына к тому, с чем он там столкнется, и это время ходить с ним и на работу, и на тренировки.

— И мы пойдем в Полицию? — С недоверием посмотрел Итачи, которому, как и всем другим детям строжайше запрещалось приближаться к "самому крутому зданию Конохи".

— Ну да. Я же там работаю. — Подмигнул ему Фугаку.

Глаза Итачи загорелись, мальчик явно обрадовался предстоящей экскурсии.

***

Фугаку с самого начала задавался мыслью: «каково это: быть отцом?». Нет, не только до попадания в этот мир, но и до... его воспитывала мать — отец ушел еще тогда, когда маленькому Джонатану было три, так что он его почти не помнил. Все детство он видел лишь гордо выпрямленную спину матери да улыбку старшего брата. Поэтому он часто представлял, как сам будет отцом. И вот, пожалуйста, свое собственное чадо.

Итачи был необычным ребенком, пожалуй, можно даже иронизировать: необычному отцу — необычный ребенок. Слишком тихий и спокойный для своего возраста, воспитанный и умный, гений — таким его видел Фугаку. Но иногда, когда Микото уходила укладывать сына спать, он слышал его смех: такой же тихий, неуверенный, но такой счастливый, и почему-то сердце щемило.

— Хэй, — он положил руку на голову и взъерошил волосы мальчика. — О чем задумался?

— О тренировке. — Итачи поднял взгляд, и Фугаку невольно поджал губы. Нет, то что мир шиноби вынуждает даже детей малых тренироваться день и ночь, он понимал (сам же и гонял учителей подростков, чтобы те не давали подопечным расслабляться), но когда он видел взгляд Итачи, то невольно проникался раздражением ко всему "шинобскому".

— Скоро у тебя будет много времени, чтобы думать об учебе и тренировках. — Вздохнул он. — Ты ведь пойдешь в Академию.

— А о чем мне думать сейчас? — Тут же спросил сынишка, доверчиво вжимаясь в его бок, и слегка отходя назад, когда мимо прошагал целый отряд Учиха: они вошли на территорию Полиции.

— Допустим о том, что вечером мы с тобой идем кушать данго. А еще ходим в онсэн.

— Но это же будет вечером, зачем мне об этом думать?

— Тогда о том, что мы будем сегодня делать.

— Но мы ведь будем это делать, и я узнаю, но как я могу думать о том, чего не знаю?

— О книге, которую я тебе подарю?..

— Но...

Фугаку остановился, поднимая взгляд к небу: этот ребенок заставлял его мозг сломаться. А потом... сначала Итачи услышал смешок, а потом с удивлением смотрел как его отец смеется, опуская на него веселый, полный странного счастья взгляд.

— Тогда просто наслаждайся нашей прогулкой. Видишь, какая красота вокруг?

Итачи недоуменно наклонил голову вбок, оглядываясь.

***

— Значит, поместить Какаши в команду тренировок с Футоши? — Глава клана откинулся на спинку кресла. Нет, в целом идея не плохая, но Хатаке... как он отреагирует? В конце концов после недавних событий... — Да. И найдите дом, куда он сможет переехать на территории квартала.

— Но Фугаку-сама? — Моэто замер. Против Какаши он не имел ничего, наоборот парнишка ему даже нравился. — Вы уверены, что это будет э... рационально?

— В договоре, который подписали старейшины и сам мальчик, есть пункт о том, что для более эффективных тренировок Хатаке может на время пожить в квартале. Причем на основаниях гостя. Да и потом, Моэто. Какаши остался совершенно один, помнишь, каким он к нам пришел?

— Ммм... относительно. Да и прошло не так уж и много времени.

— Так вот. Он замкнулся в себе после смерти напарника, единственными, кто у него оставались, были Нохара и Хокаге-сама. Сейчас у него только Минато, который не может уделять ему так много времени, чтобы вовремя заметить... изменения в мальчике и предотвратить многое из того, что в будущем повлияет на отношения ребенка с окружающими. Для детей естественно находиться в обществе детей, Какаши, хоть и является гением и джонином, все же ребенок... — Фугаку бросил взгляд на внимательно слушающего и все записывающего Итачи, чья макушка лишь виднелась из-под стола, так как тому было удобней

записывать на коленках.

— Я вас понял. Значит... увеличить количество совместных тренировок, разбить детей на такие команды, чтобы всем было максимально удобно и у наследника Хатаке появилась возможность установить новые дружеские отношения?

— Да. Только не давите на него сильно. Наша задача...

— Помочь.

Моэто улыбнулся, используя Шуншин, и Фугаку довольно кивнул. Дазай быстро шел на поправку, и теперь вовсю копался в бумажной работе (ибо использовать чакру ему строжайше запретили, мол, и так истощение было), а Моэто радовал тем, что наконец начал включать мозги не только в критических ситуациях.

— Как тебе офис, Итачи?

— О-фис, — повторил задумчиво мальчик. — Интересный.

Здание Полиции, снаружи выглядевшее как самое обычное коноховское здание, внутри поражал воображение почти средневековых (как обзывался мысленно Джонатан) японцев. Он вытаскивал воспоминания об офисах своего мира и как мог адаптировал это здание под один из них.

На первом этаже был почти неизменный "лягушатник" (это название понравилось Учиха и теперь в узких кругах первый этаж никак иначе не назывался). Здесь разбирались базовые дела и правонарушения. Учиха работали с преступниками, ну какие только могли быть в военной деревне, решали конфликты по краже дамских сумочек и мелких хулиганств, да и вообще всем тем, что Джонатану стало неинтересно уже после трех дней наблюдения за ними. А вот на втором, до "возвращения" Фугаку с фронта, было почти пусто. Однако теперь это было самое оживленное место. Рабочие места стояли ровными рядами, в одном углу располагалась длинная столешница с чаем, водой, соками, тут же можно было найти и небольшой холодильник, микроволновую печь, тарелки, ложки и другую кухонную утварь, так что в обеденное время большинство "работников" почти не выходили из офиса.

Здесь Фугаку нашел работу всем. Сюда приносили все отчеты по охране границ, нарушениях, протоколы, постоянно велись какие-то дела, а так как в большинстве своем Учиха учились со скоростью света (нет, Шаринган определенно полезная штука), то эти дела были связаны скорее не с делами Конохи, а именно клана. Кто-то занимался ведением торговли, заказывал в клан оружие, кто-то разбивал "лягушатников" на отряды патрулей, кто-то составлял графики дежурств, да и потом, всегда находилось что-то такое, что надо было посчитать, перенести на бумагу, зафиксировать. Тем более после того как целая половина клана отправилась на службу к Хокаге появилась еще и чисто издевательская полочка в одном из шкафов:

«Предложения\Ложные приказы\Угрозы вступить в АНБУ НЕ» и каждый день, по завершению

рабочего дня велся подсчет количества таких бумажек, листочков, отчетов — весь коллектив веселился. Вот только потом непременно уходил домой крепко задумавшись: а почему их так хотят затащить в Корень?

— А зачем ты все записываешь? — Поинтересовался Фугаку.

— Чтобы лучше запомнить. — Пожал мальчик плечами. — Ты так много всего полезного говоришь, что лучше записывать.

— Э?..— Подвис глава клана.

— По психологии человека, вещи кажущиеся такими простыми, но так долго доходимыми до человека, ты все это объясняешь. Правда... — мальчишка понизил голос, словно смущаясь и тихо, будто бы секрет, сказал. — Чаще всего, объясняя, ты погружаешь ответ на вопрос собеседника в водоворот слов и путаешь его еще сильнее. Вот, здесь утренний диалог с одним из пришедших.

И сынишка быстро отыскал какую-то запись тыкая в неровные иероглифы пальчиком. И Фугаку неловко улыбнулся. Он делал так не специально, просто узнавая этот мир, он сам нуждался в том, чтобы ему объясняли все как можно подробнее, и когда к нему приходили с вопросом, ответ на который он знал или, наоборот, не знал, он хотел донести не сам ответ, а принцип действия, чтобы потом этот вопрос в другой вариации не повторялся. И если не знал, то в ходе рассуждения (обязательно вслух, ибо в мыслях иногда получалась такая неурядица, что страшно) обязательно находил ответ.

***

— То-сан,— Итачи дернул его за рукав, за обе щеки уплетая данго. — А почему ты решил брать меня с собой?

"Работать" они закончили поздно: ближе к вечеру нарисовалась небольшая проблема: Данзо, поняв, что его предложения как о стенку горох, перешел к более решительным действиям. Правда для такого паука как он, эти действия были донельзя... глупыми. Он попробовал заставить Учиха написать прошение о переводе в Корень. И Фугаку, уже не раз сталкивавшийся с Шимурой на совещаниях, понимал, что такие действия тот бы себе не позволил. Для него была свойственна такая игра, что никто до последнего не верил, что это он. Так что такая несостыковка здорово напрягала.

Поэтому, когда они вышли из офиса, то уже горели фонари, и вечерняя Коноха увлекла их своей атмосферой расслабленности и ленивого отдыха. Медленно прогулялись до продавца данго и теперь также медленно шли в сторону кланового квартала: идти в онсэн не захотел ни Итачи, ни сам Фугаку.

— Потому что я хочу показать тебе кое-что, прежде чем ты пойдешь в Академию. — Нет, все-

таки восточные сладости имеют свой, определенный привкус, к которому еще надо привыкнуть. — Видишь ли... там будет очень много детей, которые пусть и старше тебя, но все же дети. И не будет удивительным, если там с тобой захотят подружиться. И не факт, что о такую дружбу ты не обожжешься.

— То-сан?

— Как бы тебе объяснить... Видишь дерево? — Они остановились возле высокого, прекрасного дерева, под которым приютилась небольшая скамеечка.

— Сейчас, когда осень, оно еще зелено и его ветви полны листьев. Однако видишь, как покраснели некоторые из них? Скоро дерево будет уже совсем другим. Голым, приготовившимся к зиме. Точно также и ты. Допустим... лето — это наш клан, находясь в нем ты находишься под нашим влиянием, впитываешь наше мнение и образ жизни. А осень... пусть будет Академия. Там будут совершенно другие люди, другая атмосфера и мнение. Вот только в отличие от дерева, ты не должен потерять те листья, которые успел вырастить в клане.

Фугаку опустил взгляд на внимательно слушавшего и даже переставшего жевать сына, и подумал, что как-то хитромудро все это вывернул, что Итачи запутался.

— Другими словами, Итачи, «с кем поведешься от того и наберешься». Только это может затронуть не только поведение, но и мнение. То, что раньше было для тебя естественным, может стать совершенно другим.

— А... почему?

— Наш клан не все любят, хотя даже я не особо понимаю почему. — Пожал плечами Джонатан. — Наши традиции, уклад и отношение к вещам не всегда трактуются правильно. Возможно из-за нашей силы, а возможно и по каким-либо еще причинам. И оказавшись в месте, где все будут считать, что Учиха другие в плохом смысле, ты и сам можешь начать задумываться: «а может они и правы?»

Фугаку грустно улыбнулся. Итачи еще слишком мал, чтобы понимать такие вещи... вот только в его не по-детски умном взгляде он читал обратное.

— А почему ты так считаешь? — Сын наклонил голову вбок.

— Предчувствие. — Пожал плечами отец. — Когда-нибудь я все расскажу... а сейчас хочу, чтобы ты увидел, что мы ничем не отличаемся от других кланов. Да, мы гордимся тем, что мы Учиха, и мы гордимся тем, какой силой обладаем. Но мы не отличаемся другим отношением к Конохе. Мы любим и верны ей также, как и другие.

— А... — Многозначно ответил Итачи, задумываясь.

— И, Итачи... — Фугаку вздохнул, опускаясь на один уровень с сыном. — Что бы я не сделал в прошлом, я сделал потому, что люблю тебя. Но... все равно прости меня, что взял тебя тогда с собой на фронт. Хорошо?

В глазах Итачи отобразилось искреннее недоумение, удивление. Он не понимал за что отец извиняется, ведь... ведь...

— Все, не грузись. — Мужчина улыбнулся, касаясь его лба пальцами. — Пошли домой поскорее, мама, наверное, ждет.

И почему-то... идти вот так вот, держа за руку по-сути не своего сына, было правильным.

<http://tl.rulate.ru/book/38968/859209>